

Автор - Федор Козырев, Санкт-Петербург (Россия).

Инженер

Ему был с детства ведом привкус власти
упругих форм над косным веществом.
Он, повзрослев, познал и страсть, и счастье
Пигмалионова владения пером.

Но сколько Афродита ни старалась
его словес ваянья оживлять,
ей только больше скуки удавалось
к терзаньям прежней жизни добавлять.

Не звал его к себе алтарь любовный,
и красота пленяла лишь тогда,
когда за ней раскидывались ровно
простор ума и истин нагота.

Он постепенно шел путем Платона
к надмирному сиянью чертежа,

ведя гармонию из темного притона
материи, хаоса, миража.

Ему постыли кисть, перо и слава,
он внял числу, началу всех начал.
И вот науки гений величавый
путь в кузницу Гефеста указал,

где в скрежете металла, в брызгах стали
ковалась власть сознания над мечтой,
где отпирались запертые дали
проб и ошибок слаженной четой.

Там рев огня преображался в скорость,
и вагнеровской музыки раскат
стихал в утробе яростных моторов
почти беззвучным стрекотом цикад.

Но этот стрекот сладок был для слуха,
как песнь сирен, как праздник на века.
Так метроном пленителен для уха
приказчика времен часовщика.

Лишь здесь ему, в технической низине,
открылась правда вдруг и без прикрас
в созвучье сердца созданной машины
и пульса жизни, бьющегося в нас.

И перебой сердечный прекратился,
и зов страстей уж покорить не мог,
и лишь в стенах сознания мерно бился
трудом стесненный огненный восторг!

Спор о поэзии

Спорили трое друзей о судьбе стихотворного слога:
Как и зачем на земле появился обычай сей странный
Ставить слова друг за дружкой в порядке натужном,
Втискивать речи течение в клетку ударений и рифмы.

Первый, поклонник Руссо, указал на арену, где кони
Двигались смирно и в такт, коновода веленью послушны:
Так и слова подчиняем мы ритму своим произволом,
Жить не хотим среди вещей как они были созданы Богом.

Долго ли будем коверкать мы замысел Божий напрасно
Трудно сказать, но грядут перемены. Наверное, скоро
Станет наш стиль и свободней, и ближе к природе наивной.
Девственный лес будет вновь нам милее и сада, и парка.

В речи второго звучали и знанья, и опыта ноты.
Он указал на скамьи, что вокруг дидаскала стояли
И за которыми дети прилежно письмом занимались,
Сияясь риторики мудрость постигнуть в ученье.

Вот для чего облекается мысль в стихотворную форму:
Чтобы века пережить, к мнемонической жметя уловке.
Будем традиции этой верны мы, доколе наука
Нам не подарит другого для этой же цели приема.

Третий молчал, а потом указал на алтарь христианский:
Знаете ль, что произносит здесь жрец за обедней служащий?
«Боже. Твое от Твоих мы Тебе преподносим в смиренье»...
Так и поэт отдает только то, что получено свыше.

Ловит он звуки небес в хороводе скоплений словесных,
Сам ли мелодию в них открывает, не ведая точно.
Служит поэзия богообщенью. И это навечно,
А для чего нужен ритм и размер – это ведомо Богу.

Долго сидели втроем, не вступая в дальнейшие споры,
Думали каждый свое по профессии, той, что служили.
Первый был критик. Второй слыл учителем. Оба известны.
Третий был малоизвестен в то время. Но был он поэтом.

Поэзия (на слова В.А. Жуковского)

«Поэзия есть бог в святых мечтах земли», -
сказал поэт. Я с ним согласен в части
того, что самые возвышенные страсти
у ног поэзии в смирении легли.

Она возводит нас в храмины света,
где мы, подобно избранным троим
свидетелям Фаворского совета,
«Добро есть зде нам быти» говорим.

Она источник сил и вдохновений,
но пуще прочего в ней даром нам дано
живое откровение одно,

Конкурсная подборка 194. «Высокопарное»;

Автор: Оргкомитет
09.04.2019 13:00

посланье из возвышенных селений.

В ней нам дано на ощупь, на замер
познать, что слову мало рамок смысла,
что смысл оно кроит на свой манер,
что тонким равновесием зависла

меж мыслию и чувством красота.
Как в неслиянном тождестве сияний
Отца и Сына творческих деяний
заполнилась предвечна пустота,

так слово поэтическое тщится
заполнить все собой. Усилием туда
из мысли недр рождающих пробиться,
где чувств дремотная колышется вода
и к новой жизни жаждет пробудиться.

